

О.А. Крапивкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск (Россия)

Ключевые слова: дискурсивное экспертное сообщество; вербализация субъекта; юридический дискурс; деперсонализация высказываний.

Аннотация: В статье рассматривается лингвистический статус субъекта в различных жанрах юридического дискурса; анализируются языковые средства, которые участвуют в вербализации субъекта высказывания. Автор подчеркивает, что субъект находит различное выражение в правовой коммуникации в зависимости от его включенности в дискурсивное экспертное сообщество. В статье автор подвергает корректировке сложившуюся в дискурс-анализе точку зрения на юридический дискурс как исключительно институциональную форму коммуникации, уточняя его статус с учетом достижений современной лингвистики. На основе проведенного анализа в контексте юридического дискурса было обнаружено два типа субъектов – Я-субъект и институциональный субъект. Автор отмечает, что Я-субъект получает эксплицитное представление в дискурсе, не скрываясь за безличными конструкциями, в то время как институциональный субъект «прячет» свою личность ради объективности излагаемой информации, следуя конвенциям дискурсивного сообщества. К языковым средствам, участвующим в позиционировании субъекта дискурса, были отнесены личные местоимения первого лица, имя собственное, институционально-ролевое имя субъекта, бессубъектные конструкции. Градуированная субъектность в юридическом дискурсе, которая была установлена на паре языков «английский/русский», рассматривается автором в качестве межъязыковой и межкультурной закономерности. Работа основывается на достижениях теорий постмодернизма (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез и др.) и антропоцентризма (Ю.С. Степанов, Э. Бенвенист, Е.С. Кубрякова и др.), а также на исследованиях дискурса (В.И. Карасик, А.М. Каплуненко, С.Н. Плотникова, Е.Ф. Серебрянникова, Е.И. Шейгал, Дж. Суэйлз и др.).

К изучению различных типов дискурса, формирующихся в условиях разнообразных сфер деятельности человека, обращаются многие исследователи (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, Дж. Суэйлз, Т. ван Дейк, В.К. Бхатия и др.). В дискурс-анализе особое место занимают работы, посвященные общению в институциональном контексте, накладывающем определенные ограничения на дискурсивное поведение субъекта речи.

Однако, как представляется, точка зрения на юридический дискурс как образец исключительно институциональной коммуникации с вытекающими отсюда особенностями, нашедшая отражение в работах таких исследователей, как В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, С.Н. Плотникова, Дж. Суэйлз, В. Бхатия [1–8], требует внесения некоторых коррективов.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью уточнения статуса письменного юридического дискурса с точки зрения субъекта высказывания в контексте достижений современной теории языка. Углубленное исследование субъекта юридического дискурса определяет актуальную для современной науки антропоцентрическую направленность работы.

Пересмотр традиционных представлений о характере дискурсивной деятельности в правовой сфере позволил сформулировать гипотезу о том, что, вопреки устоявшемуся мнению об обезличенности письменного юридического дискурса, субъект находит регулярное выражение в его высказываниях, используя обширный диапазон единиц, объективирующих его ипостаси.

Проведенный анализ позволил выделить в юридическом дискурсе два типа субъектов – институциональный субъект и Я-субъект.

В основу представлений об институциональном субъекте была положена постмодернистская концепция «смерти субъекта», базирующаяся на идее об исчезновении субъекта коммуникации, нивелировании индивидуальности [9–12]. Институциональный субъект знает

о своей деперсонализации, невозможности эксплицитно выразить свое «я» и не допускает позиционирования себя в ипостаси личности, используя для этого определенные языковые знаки. Данное положение иллюстрируют следующие примеры:

(1) *The court thus concludes from these evidences that defendant made an election and chose allegiance to the Emperor of Japan, rather than citizenship in the United States at his majority.*

(2) *С учетом изложенного, Конституционный суд РФ признал взаимосвязанные положения подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 (Постановление Конституционного суда РФ от 22.06.2010 № 14-П).*

(3) *In the Political Parties, Elections and Referendums Act ... section 145 is amended as follows.*

(4) *Статью 6 дополнить пунктом 3 следующего содержания ... (Федеральный закон РФ № 171-ФЗ).*

В (1) и (2) субъект редуцирует личностное начало, обозначая себя с помощью коллективного имени. В (3) языковым механизмом устранения субъекта выступает конструкция со страдательным залогом. В (4) субъект остается невыраженным в повелительной конструкции.

Не привязанный к субъекту дискурс получает статус объективного заданного дискурса, что весьма важно с точки зрения правового регулирования. Эти приемы помогают перевести юридический дискурс из сферы субъективных речемыслительных операций в область объективно существующего [13]. Субъект не только интерпретирует события, следуя конвенциям «дискурсивного экспертного сообщества» [14; 15], но и пользуется выработанными и канонизированными последним способами построения высказываний.

Еще одним способом деперсонализации высказываний юридического дискурса выступает симулякризация субъекта. Стоит отметить, что симулякр является одной из основных категорий постмодернистской философии.

Концепция симулякра связана прежде всего с именем французского философа Жана Бодрийяра, который назвал эпоху постмодернизма эрой тотальной симулякризации [16]. Симулякризация в юридическом дискурсе обнаруживается на грамматическом уровне: содержится указание на субъект высказывания, однако данное указание в референциальном плане оказывается размытым, количественный состав совокупной множественности недостаточно ясен:

(5) *We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility ... (Constitution of the USA).*

(6) *Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...* (Конституция РФ).

Маркеры субъекта – местоимения 1-го лица множественного числа *we, мы* – оказываются оторванными от реального субъекта коммуникации. Они лишь обозначают видимость участия обозначенного ими субъекта-народа в дискурсе. Данные прономинаты можно обозначить как «идеологическое», «политическое», «государственное» *мы*, которое объединяет лиц одного круга, одной политической, территориальной принадлежности. Подобный способ обозначения субъекта имеет регулярный характер в культуре представительной демократии. Как заметил Жан Бодрийяр, ссылка на народ как источник дискурса является типичным примером политической симуляции [17].

Я-субъект, напротив, обладает свободой дискурсивной деятельности, выступает от собственного имени, принимает на себя с помощью местоимения 1-го лица единственного числа персональную ответственность за речевое поведение перед адресатом. Примерами дискурса *Я*-субъекта могут служить следующие высказывания:

(7) *I do not myself believe in rigid adherence to stare decisis in constitutional cases; but I do believe that we should be consistent rather than manipulative in invoking the doctrine (Justice Scalia's Dissenting, Lawrence v. Texas).*

(8) *Я полагаю, что вряд ли есть основания исполнять постановление так, чтобы это влекло снижение санкций по отдельным видам мошенничества (особое мнение по постановлению Конституционного суда РФ).*

В примерах из особых мнений судей мы не видим стандартной, формализованной манеры изложения, свойственной институциональному дискурсу, субъект которого выстраивает высказывания, следуя канонам юридической техники. Необходимость отразить в дискурсе эмоциональное состояние, субъективное понимание явлений правовой действительности, выразить свое волеизъявление детерминирует выбор в качестве механизмов самопозиционирования местоимений 1-го лица единственного числа, которые лучше всего отвечают потребности в самовыражении [18].

Таким образом, в ходе исследования был сделан вывод о том, что точка зрения на юридический дискурс как дискурс исключительно институциональный, обезличенный, является безосновательной. В правовой сфере можно обнаружить и персонализированные жанры, в которых институциональность как прототипический признак взаимодействует с персональностью. В качестве категориального признака персонализированного дискурса выступает свобода выбора субъектом языковых

средств для построения высказываний. Однако нужно помнить, что институциональный формат правового общения, статусно-ролевая обусловленность субъекта – признаки, имеющие институциональную природу, – препятствуют уходу субъекта в сферу персонального дискурса, что позволяет говорить о персонализированном, а не о персональном характере данных жанров.

Исследование показало, что для жанров юридического дискурса, балансирующих между полюсами «институциональность – персональность», характерны три варианта позиционирования субъекта: 1) полное устранение субъекта из дискурса; 2) устранение личного начала субъекта за счет определенных языковых приемов; 3) позиционирование субъекта как носителя свободной воли, который берет персональную ответственность за высказывания.

Если степень проявления субъектности в персонализированных жанрах, варьируясь от максимальной эксплицитности до редукции субъекта, предопределяется преимущественно личностными или культурными факторами, в институциональных юридических жанрах дискурсивное сообщество навязывает субъекту способ самопозиционирования, устанавливая допустимые пределы персонализации. Так, судебное сообщество не допускает использования средств *я*-парадигмы, поскольку: 1) создается впечатление независимости субъекта от суда; 2) присвоение дискурса *Я*-субъектом может рассматриваться как стремление самоутвердиться; 3) «знаки» личности субъекта могут подорвать объективность акта правосудия [19; 20].

Таким образом, в жанровом пространстве юридического дискурса можно обнаружить не только обезличенные образования, но и те, в которых субъект представлен максимально эксплицитно, не маскируя свою личность с помощью определенных языковых приемов.

Следует отметить, что градуированное проявление субъектности в юридическом дискурсе между полюсами «институциональность – персональность» на паре языков «английский/русский» можно рассматривать в качестве межъязыковой и межкультурной закономерности, что имеет методологическое значение для теории языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 15–19.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2000. 325 с.
3. Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 5–16.
4. Шевырдяева Л.Н. Язык современного американского судебного дискурса. М.: МГУ, 2009. 190 с.
5. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 272 p.
6. Bhatia V.K. Transparency, power, and control: perspectives on legal communication. New York: Ashgate Publishing, 2012. 234 p.

7. Tiersma P.M. *Legal Language*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 328 p.
8. Tiersma P. Textualizing the Law // *International Journal Of Speech Language and The Law*. 2007. Vol. 8. № 2. P. 73–92.
9. Foucault M. *L'archéologie du savoir*. Paris: Gallimard, 1969. 400 p.
10. Foucault M. *Les Mots et les Choses. Une Archeologie des Sciences Humaines*. Paris: Gallimard, 1966. 400 p.
11. Approaching postmodernism // *Workshop on postmodernism*. 1986. 21–23 September. P. 211–231.
12. Bathes R. *Selected works: Poetics*. Moscow: Progress Publ., 1989. 752 p.
13. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // *Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. трудов*. Кемерово, 2011. С. 131–144.
14. Каплуненко А.М. О преимуществах системно-деятельностного подхода к педагогическому дискурсу // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2012. № 4. С. 175–178.
15. Каплуненко А.М. Курс дискурса: под флагом Фуко // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 4. С. 9–15.
16. Badrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Galilee, 1981. 204 p.
17. Badrillard J. *The consumer society. Myths and structures*. London: Sage, 1998. 208 p.
18. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 196 с.
19. Крапивкина О.А. О персонифицированном характере современного юридического дискурса // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2010. № 4. С. 27–34.
20. Крапивкина О.А. Языковые механизмы самопрезентации субъекта в законодательных жанрах юридического дискурса // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2011. № 7. С. 243–248.
21. Крапивкина О.А. Лингвистический статус субъекта юридического дискурса (на материале английского и русского языков). Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2011. 200 с.
4. Shevyrdyaeva L.N. *Yazik sovremennogo amerikanskogo sudebnogo diskursa* [Language of modern American legal discourse]. Moscow, MGU publ., 2009, 190 p.
5. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 272 p.
6. Bhatia V.K. *Transparency, power, and control: perspectives on legal communication*. New York, Ashgate Publishing, 2012, 234 p.
7. Tiersma P.M. *Legal Language*. Chicago, University of Chicago Press, 1999, 328 p.
8. Tiersma P. Textualizing the Law. *International Journal Of Speech Language and The Law*, 2007, vol. 8, no. 2, pp. 73–92.
9. Foucault M. *L'archéologie du savoir*. Paris, Gallimard, 1969, 400 p.
10. Foucault M. *Les Mots et les Choses. Une Archeologie des Sciences Humaines*. Paris, Gallimard, 1966, 400 p.
11. Approaching postmodernism. *Workshop on postmodernism*, 1986, 21–23 September, pp. 211–231.
12. Bathes R. *Selected works: Poetics*. Moscow, Progress Publ., 1989, 752 p.
13. Kozhemyakin E.A. Juridical discourse as a cultural phenomenon: the structure and meaning-making. *Mezhvuz. sbornik nauchnih trudov "Yurilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo"*. Kemerovo, 2011, pp. 131–144.
14. Kaplunenko A.M. On advantages of systemic action-oriented approach to pedagogical discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 176–178.
15. Kaplunenko A.M. The course of discourse: nailing the Foucault colors to the mast of discourse analysis. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 9–15.
16. Badrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilee, 1981, 204 p.
17. Badrillard J. *The consumer society. Myths and structures*. London, Sage, 1998, 208 p.
18. Miloserdova E.V. *Semantika i pragmatika modalnosti (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazika)* [Semantics and pragmatics of modality (a case study of simple sentence of the modern German language)]. Voronezh, VGU publ., 1991, 196 p.
19. Krapivkina O.A. On the personified nature of modern legal discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, no. 4, pp. 27–34.
20. Krapivkina O.A. Language mechanisms of subject self-presentation in legislative genres of legal discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta*, 2011, no. 7, pp. 243–248.
21. Krapivkina O.A. *Lingvistichesky status sub'ekta yuridicheskogo diskursa (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazikov)* [Linguistic status of juridical discourse subject (a case study of the English and Russian languages)]. Irkutsk, IGLU publ., 2011, 200 p.

REFERENCES

1. Karasik V.I. On the types of discourse. *Yazikovaya lichnost': institutsionalny i personalny diskursy*. Volgograd, Peremena publ., 2000, pp. 15–19.
2. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, VGU publ., 2000, 325 p.
3. Plotnikova S.N. Linguistic, communicative and discourse identity: on the problem of concepts distinction. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo*

ON THE WAYS OF SUBJECT VERBALIZATION IN JURIDICAL DISCOURSE

© 2015

O.A. Krapivkina, candidate of philological sciences, assistant professor,
Associate Professor of Foreign Languages Department
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)

Keywords: discourse expert community; subject verbalization; juridical discourse; utterance depersonalization.

Abstract: The article deals with the linguistic status of a subject in various genres of juridical discourse; analyzes the linguistic means which are involved in verbalization of the speaking subject. The author emphasizes that the subject can be verbalized in different ways in juridical discourse depending on its involvement in the discourse expert community. The author reevaluates the established in discourse-analysis point of view on the juridical discourse as an institutional form of communication only, specifying its status with the account of modern linguistics achievements. On the base of analysis the author distinguishes between two types of subjects in legal discourse – an I-subject and an institutional subject. The author notes that an I-subject is verbalized explicitly in discourse, not being at the back of impersonal constructions, while an institutional subject “masks” its personality for the sake of objectiveness of stated information, follows the discourse community conventions. The author distinguishes the linguistic means involved in the speaking subject positioning. They are as follows: first person subject pronouns, proper name, institutional role subject name, impersonal constructions. The graded subject representation in English and Russian legal discourse is considered as the interlingual and intercultural trends. The research is based on the achievements of theory of postmodernism (M. Foucault, R. Barthes, G. Deleuze et al.) and anthropocentrism (Yu. S. Stepanov, E. Benveniste, E.S. Kubryakova et al.) as well as on discourse analysis (V.I. Karasik, A.M. Kaplunenko, S.N. Plotnikova, E.F. Serebrennikova, E.I. Sheigal, J. Swales et al.).